

История Катыни, все обстоятельства, связанные с этим во многом еще не раскрытым до конца событием начала Второй мировой войны заставляют вспомнить о более ранних временах советско-польских отношений. Образовавшееся в ноябре 1918 года независимое польское государство сразу, по воле руководителя этого государства Юзефа Пилсудского, взяло курс на агрессию против Советской России. Пилсудский бредил о “500-тысячной армии”, во главе которой он намеревался въехать в Москву. Требовал оружия и помощи у западных держав. Эти “наполеоновские” планы неизбежно привели правительство Польши к войне с Советской Россией, полыхавшей в 1919—1920 годах. Ныне уже 90 лет тем событиям, но причины и корни, породившие их, не умерли, они до сих пор отравляют отношения между двумя нашими народами, чему свидетельство — та шумиха, что поднята вокруг судьбы польских военнопленных в СССР. Но были ведь десятки тысяч советских военнопленных, заложников и гражданских пленных в Польше. Их трагической судьбе посвящена книга историка Николая Семеновича Райского “Польско-советская война 1919—1920 годов и судьба военнопленных, интернированных, заложников и беженцев”. Учитывая важность данной темы в ходе нынешних польско-российских исторических споров, редакция публикует сокращенный вариант этого интереснейшего и актуального исследования.

НИКОЛАЙ РАЙСКИЙ

ПОЛЬША. ВОЙНА С РОССИЕЙ И СУДЬБА ПЛЕННЫХ

1. “Признать за польским народом...”

История взаимоотношений Польши и Советского государства включает ряд сложных и актуальных проблем, составляющих так называемые “белые пятна”. Одной из таких проблем является польско-советская война 1919—1920 гг. и в особенности судьба военнопленных, интернированных и заложников, находившихся как в Польше, так и в Советской России.

Опубликованная в 1994 г. работа российского исследователя И. В. Михутиной “Польско-советская война 1919—1920 гг.” проливает свет на причины войны, которые вытекали из политических изменений и территориального спора между двумя соседними странами. На приводимых в книге примерах война показана не только как продолжение политики обеих стран, но и как человеческая трагедия, унесшая тысячи жизней и сломавшая судьбы десятков тысяч людей.

Противоречивые сведения о количестве погибших военнопленных красноармейцев в польских лагерях приведены в статьях и заметках, опубликованных за последние годы в российской периодической печати. Явно заниженные сведения о количестве советских военнопленных и, в особенности, относящиеся к определению числа погибших в плену содержатся в исследованиях польских историков Збигнева Карпуса и Ежи Куманецкого. Оценка этих сведений будет изложена в тексте данного исследования.

Опубликованная четверть века назад книга П. Н. Ольшанского “Рижский договор и развитие советско-польских отношений. 1921–1924 гг.” представляет интерес с точки зрения фактического материала о польском населении на территории тогдашней России. Автор отмечает, что в годы Первой мировой войны на территории России находилось около 3 млн польских беженцев в основном из губерний, отошедших затем к Польше по Рижскому договору. В это число входили также рабочие и служащие эвакуированных на восток польских промышленных предприятий. Точное число беженцев на 1 января 1917 г. составляло 3 112 180 чел., распределенных по 69 губерниям России. Возвращение этого огромного количества населения на территорию Польши представляло собой сложную и трудноразрешимую проблему.

В результате смены социально-экономического и политического строя в России и международной обстановки, под влиянием последствий мировой войны возникли сложные противоречия между Польшей и Советской Россией. В конце 1917 г. на этнической польской территории под покровительством германских и австро-венгерских оккупационных властей было воссоздано Королевство Польское, во главе которого был образован так называемый Регентский Совет (РС).

Брестский мир, заключенный в марте 1918 г. между Германией и Советской Россией, отменял права России на Королевство Польское, и Регентский Совет, стремясь закрепить статус самостоятельного правительства, пытался учредить польское дипломатическое представительство в России. Эта миссия была поручена председателю образованной еще при Российском Временном правительстве Ликвидационной Комиссии по делам Королевства А. Ледницкому. Однако Народный Комиссариат по Иностранным Делах РСФСР (НКИД) в начале апреля 1918 г. отказал ему в приеме в качестве официального представителя польского независимого государства. Что касается возвращения польских беженцев, реэвакуации имущества и других вопросов, то все они были переадресованы в образованный еще в ноябре 1917 г. Комиссариат по польским делам при Комиссариате по делам национальностей РСФСР. И тем не менее **Совет Народных Комиссаров РСФСР (СНК) 29 августа 1918 г. принял декрет, которым отменялись “все договоры и акты, заключенные правительством бывшей Российской империи с правительствами Королевства Прусского и Австро-Венгерской империи, касающиеся разделов Польши, ввиду их противоречия принципу самоопределения наций и революционному правосознанию русского народа, признавшего за польским народом неотъемлемое право на самостоятельность и единство”**. Тому уже 92 года...

Поражение Германии и Австро-Венгрии в мировой войне и внутренние изменения в них привели к активизации политических сил на оккупированных территориях, в том числе и в Польше. В первых числах ноября 1918 г. в Люблине было образовано Временное народное правительство Польской Республики, которое объявило о низложении Регентского Совета. Учитывая это обстоятельство, Советское правительство лишило находившуюся в стране миссию РС дипломатического иммунитета, а польские социал-демократические радикалы в России, явочным порядком, используя Комитет польских беженцев, опечатали здание, архивы и имущество миссии. Но вскоре политические изменения, произошедшие в Польше, привели в середине ноября к власти лидера идеи общенациональной коалиции Юзефа Пилсудского. Он принял власть из рук Регентского Совета, стал Начальником (главой) Государства с широкими, почти диктаторскими полномочиями. 16 ноября 1918 г. было объявлено об образовании Польского государства, сформировано левое правительство во главе с Е. Морачевским.

2. “Послать 500-тысячную армию на Москву...”

С первых дней после восстановления польской государственности отношения между двумя странами не улучшились, и напряженность не ослабевала. 26 ноября министр иностранных дел Польши Л. Василевский направил в Москву ноту протеста против ликвидации миссии Регентского Совета с угрозой применить репрессии против российских граждан в Польше.

Советская сторона сдержанно отвечала на польские ноты, пытаясь урегулировать конфликт, гарантировала безопасность сотрудникам миссии, свобо-

ду пребывания и выезда из России. Наряду с этим Нарком иностранных дел РСФСР Г. В. Чичерин выразил готовность установить межгосударственные отношения с Польшей путем обмена дипломатическими представителями. Однако содержание ответных нот МИД Польши, выдержанных в резких тонах, свидетельствовало о жесткой позиции, занятой польским правительством в отношении Советской России, и не способствовало установлению дружественных отношений между двумя странами.

Правительство РСФСР, со своей стороны, выполнило все условия, связанные с выездом из России миссии Регентского Совета, который был назначен на 2 января 1919 г. Однако именно в эти дни на территории Польши были убиты пять делегатов Российского Общества Красного Креста (РОКК), в том числе две женщины. Делегация эта была направлена в Польшу для оказания помощи российским военнопленным, возвращавшимся из Германии на родину в Россию. В связи с этими событиями персонал миссии РС был арестован.

Учитывая внутренние политические перемены в Германии в ноябре 1918 г., Советское правительство аннулировало Брестский мирный договор, а 17 ноября части Красной Армии перешли демаркационную линию и начали занимать оставляемые немецкими войсками литовские и белорусские земли, являясь одновременно опорой для левых сил в борьбе за власть. К концу года в Литве, Белоруссии и на Украине были образованы советские республики. Это обстоятельство не устраивало польское правительство, которое претендовало на эти территории. В связи с этим оно активно противодействовало большевистскому влиянию в этих регионах. В своей деятельности правительство Польши опиралось на местное польское население, которое представляло в них наиболее зажиточные слои. В Литве и Белоруссии из числа поляков были организованы отряды самообороны, создан Комитет защиты восточных окраин, сформирована литовско-белорусская дивизия. Все эти действия Ю. Пилсудский характеризовал как превентивную защиту Польши от революции извне. Позже он откровенно писал, что «Польша имела начало войны с Советами уже в 1918 г.». И далее он подчеркивал, что поставил себе независимо от кого бы то ни было, уже в 1918 г., четкую цель в войне с Советами, а именно решил напрячь силы, чтобы возможно дальше от тех мест, где рождалась и выковывалась новая жизнь, пресечь все попытки и поползновения еще раз навязать ее Польше.

Не отвечая на конкретные советские предложения по установлению межгосударственных отношений, Польша в нотах МИД от 22 и 30 декабря 1918 г. протестовала против продвижения советских войск к польской границе. Дипломатические шаги сопровождались определенными военными действиями. 1 января 1919 г., используя отряды самообороны, подкрепленные офицерами польской армии из Варшавы, поляки взяли Вильнюс. Однако через три дня город вновь был освобожден частями Красной Армии. Эта неудача не охладила устремлений Польши на восток. Левое правительство Е. Морачевского было заменено на правительство И. Падеревского, которое более отвечало целям и задачам Начальника Государства Пилсудского, и его действия соответствовали интересам западных держав, поддерживавших Польшу в ее борьбе против Советской России.

Неоднократные обращения Советского правительства к Польше установить нормальные межгосударственные отношения между двумя странами для разрешения возникших проблем не находили положительного отклика. Это могло свидетельствовать только об одном – об агрессивных намерениях польских властей в отношении Советской России, что и подтвердилось дальнейшими событиями.

8 февраля 1919 г. Германия, выполняя волю стран Антанты, подписала с Польшей военно-политическое соглашение о принципах эвакуации немецких войск и замене их частями польской армии на литовских и белорусских землях. В соответствии с данным соглашением 10 тысяч польских солдат двумя оперативными группами продвинулись до рек Неман и Припять, где пришли в соприкосновение с частями Западного фронта Красной Армии. Таким образом польско-советский фронт был открыт на большом протяжении и принял более четкие и реальные формы.

Поскольку численный состав советских войск в то время был значительно ослаблен переброской частей на Восточный фронт для борьбы с армией

Колчака, то польским войскам не составило большого труда вести успешные наступательные действия. В начале марта поляки заняли Слоним, Пинск и другие белорусские города. 19 апреля 1919 г. польские части вновь заняли Вильнюс.

Занимая города и населенные пункты, легионеры польской армии учиняли погромы, арестовывали коммунистов и им сочувствующих, многих из которых расстреливали. 28 марта Председатель Совета Народных Комиссаров Литовско-Белорусской Республики В. Мицкевич-Капсукас в радиোগрамме правительствам стран Антанты и Германии сообщал о насилиях, совершаемых польскими войсками над “всеми попадающимися в их руки сторонниками рабоче-крестьянской власти” и теми, кого они считали ее приверженцами. **“Еврейское население почти совершенно истребляется, – указывал он, – заподозренные в близости к Советской власти расстреливаются или вешаются на месте”.**

Письмо с протестом против насилий, совершаемых над белорусским населением польскими легионерами, направил также Нарком иностранных дел РСФСР Г. В. Чичерин 20 апреля 1919 г. Он приводил факты избиения обвиненных в принадлежности к коммунистам жителей в Белостоке, Слониме и расстрела 6 марта в Пинске в госпитале № 1 шестерых санитаров. 25 апреля, в связи с вероломным нападением на Вильно польских солдат, переодетых в русские красноармейские мундиры, Г. В. Чичерин сообщил польскому представителю А. Венцковскому о прекращении переговоров и о его высылке из Москвы.

Более того, в ответ на жестокое обращение с населением оккупированных территорий, на массовые расстрелы поляками жителей литовских и белорусских земель правительство РСФСР 6 мая 1919 г. заявило, что “в Советской России были арестованы в качестве заложников представители польской буржуазии и помещиков”. Вновь арестован освобожденный было персонал миссии бывшего Регентского Совета.

К тому времени в Польше были арестованы и находились в тюрьмах сотни коммунистов, членов профсоюзов и представителей советской власти на занятых поляками территориях. 20 мая заместитель министра иностранных дел Польши В. Врублевский в ноте Г. В. Чичерину осудил действия советских властей и потребовал освобождения задержанных в России лиц. Наряду с этим он предлагал произвести обмен арестованных в Польше коммунистов на поляков, арестованных в России. 3 июня в ответной ноте Г. В. Чичерин привел многочисленные факты арестов, расстрелов и грабежей, произведенных польскими военными, и заявил от имени Советского правительства самый решительный и негодующий протест.

Мы, говорилось в протесте, оказались “...принужденными прибегнуть к захвату заложников только под давлением необходимости, в которую поставил их **беспримерный образ действия польских властей, в особенности же те неслыханные жестокости, погромы и расправы, которые стали повседневным явлением в практике польских войск и которые обгарили кровью улицы Вильно, Лиды, Пинска и бесчисленного количества других городов и сел”.**

Вместе с тем Советское правительство соглашалось на выдачу задержанных в России в качестве заложников лиц – в обмен на арестованных в Польше советских деятелей и коммунистов.

7 октября 1919 г. НКВД (а 22 октября 1919 г. и Совет Народных Комиссаров РСФСР) уполномочил лидера польских коммунистов Ю. Мархлевского на ведение переговоров с представителями Польского Общества Красного Креста.

Но переговоры шли трудно. Пользуясь тем, что Деникин в это время рвался к Москве, польские войска захватили значительные территории в Белоруссии, вместе с городом Минском.

На неоднократные обращения Советского правительства начать переговоры по вопросу прекращения боевых действий польское правительство не отвечало, предполагая дальнейшее продвижение своих войск. Эти устремления были продемонстрированы Польшей в сентябре 1919 года на заседании Высшего Совета мирной конференции стран Антанты в Париже. **На одном из заседаний Совета тогдашний глава польского правительства И. Паде-ревский заявил об имеющемся польском проекте послать 500-тысячную армию на Москву.** Там же он объявил о крупных военных успехах на всех направлениях, подчеркнув, что к тому времени было “захвачено в плен от трид-

цати до тридцати пяти тысяч большевиков”. О 540-тысячной польской армии говорилось и в памятной записке заместителя военного министра Польши Т. Соснковского французскому правительству, где излагалась просьба к государствам Антанты оказать немедленную помощь польской армии обмундированием и вооружением. Такая же просьба содержалась и в письме И. Падеревского от 15 октября 1919 г. военному министру Великобритании У. Черчиллю. “Если такая помощь не будет нам предоставлена немедленно, – пугал Падеревский Черчилля, – наш большевистский фронт может быть в любой момент прорван по всей линии, и тогда можно ожидать самого худшего”.

Все это свидетельствовало о том, что польское правительство не намеревалось вести переговоры с Советской Россией о прекращении военных действий.

3. “Мальбрук в поход собрался...”

Дело в отношениях между двумя странами шло к военной развязке. Об этом прямо указывал в своей записке В. И. Ленину глава НКВД Советской России Г. В. Чичерин 26 февраля 1920 г. “Надо готовиться к нападению на нас поляков, хорошо теперь вооруженных, и мы должны серьезно думать об обороне Западного фронта”. А тремя днями раньше, 23 февраля, командующий Западным фронтом В. Гиттис написал в Совет Труда и Обороны России рапорт о необходимости усиления фронта новыми воинскими соединениями, мотивируя это тем, что угроза нападения польских войск возрастает, а численность последних значительно превосходит силы Красной Армии. В связи с этим Председатель СНК В. И. Ленин 27 февраля отдал распоряжение перебросить на Западный фронт подкрепления из Сибири и Урала.

Пробные вылазки польские войска предприняли уже в первых числах марта 1920 г., заняв железнодорожные узлы Калинковичи, Мозырь и Овруч. Это было прелюдией планируемого тогда наступления на Украину и желанием доказать Антанте, что поляки располагают достаточными силами для начала военных действий против Советской России. Польский представитель в Лондоне Е. Сапега сообщал в Варшаву, что польские успехи на фронте производят там хорошее впечатление и увеличивают ее престиж.

Правительство УССР и Нарком иностранных дел РСФСР направили ноты протеста против агрессивных действий Польши и вновь предлагали решить спорные вопросы мирными средствами. Но польское правительство лишь 27 марта ответило на предъявленные ноты, сообщив, что выработаются “условия заключения мира с Советской Россией”. Более того, как свидетельствует видный политический деятель Польши Ст. Козицкий, уже в феврале С. Патек сообщил ему, что **“...начальник готовится к походу на Россию, будучи уверенным, что его войска с легкостью продвнутся так далеко на восток, как он это сочтет нужным”**. Следует отметить, что дата отправки ноты совпала с датой завершения разработки французским генералом Анрисом плана военных операций польской армии на востоке.

Советское правительство, с целью не допустить развития конфронтации между двумя странами, предлагало рассмотреть вопрос о ведении переговоров в любое время и в любом месте. Предлагались Эстония, Москва, Варшава, Петроград, а также Париж и Лондон. Но Пилсудский и его окружение, взяв курс на военное решение своих задач, при поддержке прессы, выдавали незначительные стычки на фронтах за масштабные боевые действия, за наступление Красной Армии. 17 апреля 1920 г. польские войска были приведены в состояние боевой готовности.

К этому времени Польша признала правительство Петлюры на Украине, взяв на себя обязательство помочь ему отвоевать утраченные территории за уступку Польше шести уездов на Волыни и выставив ряд других, буквально кабальных для Украины, условий. Были сформированы украинские части до 30 тыс. чел., куда вошли бежавшие ранее в Польшу те же войска Симона Петлюры, часть пленных советско-польской и польско-украинской войн в 1919 г., а также отряды, ведшие на Украине партизанскую борьбу против Советской власти.

Генеральное наступление польских войска началось 25 апреля на широком фронте от Припяти до Днестра, и уже в течение двух дней поляки овладели рядом крупных городов, вышли к Киеву, который заняли 8 мая.

Военные успехи Польши были бы невозможны без огромной поддержки западных держав. В частности, Франция к весне 1920 г. поставила Польше в кредит 327 700 винтовок, 2 800 пулеметов, 48 000 револьверов с 518 млн патронов, 1 494 пушки различного калибра, 291 самолет, 250 легковых и 800 грузовых автомобилей, 4 500 конных телег, а также 40 тыс. шинелей, 665 тыс. гимнастерок, 540 тыс. брюк, 780 тыс. пар сапог и многое другое имущество и обмундирование (оно и понятно, как же без штанов воевать. — **Прим. ред.**). 11 048 винтовок было закуплено в феврале в Вене по 140 крон за штуку. Кредит в полмиллиарда франков был выделен Францией в течение 1919 г. и до лета 1920 г. Кроме того, Соединенные Штаты Америки предоставили Польше кредит в 50 млн долларов. За февраль-август 1919 г. США предоставили Польше в виде помощи 260 202 тонны продовольствия на сумму 51 671 749 долларов.

Отступление советских войск под натиском поляков на Юго-Западном фронте сопровождалось потерями не только территории, но и живой силы, в том числе пленными свыше 30 тыс. красноармейцев и командиров. Об этом с удовлетворением сообщал упомянутый выше премьер-министр Польши И. Падеревский представителям Антанты. Польское посольство в Финляндии также выражало удовлетворение и сообщало об успехах, в частности о занятии Киева и захвате 25 тыс. пленных. «Поляки трубят победу, — говорилось в донесении резидентуры Особого отдела ВЧК из Финляндии, — и даже вывели флаг над зданием посольства».

Польские армии развивали наступление и не встречали серьезного сопротивления со стороны советских войск. Отдельные контрудары частей Красной Армии, в частности в Белоруссии 14 мая, хотя и не внесли перелома на полях сражений, однако к 18 мая Юго-Западный фронт (командующий А. И. Егоров) стабилизировался. Части Первой Конной армии под командованием С. М. Буденного появились в расположении Юго-Западного фронта и, опираясь в определенной степени на поддержку местного населения, которое испытало на себе плоды польской оккупации, в начале июня прорвали польскую оборону и в результате быстрых маневров и непрерывных боев овладели рядом населенных пунктов, в том числе городом Ровно. В результате прорыва 1-й Конной армии противостоящие польские части были разгромлены. Поляки потеряли 8 тыс. погибшими и свыше 1 тыс. пленными. 3-я польская армия в районе г. Киева оказалась отрезанной от своего тыла и перед опасностью быть полностью окруженной начала спешный отход в направлении Коростеня. 6-я польская армия в районе Каменец-Подольского, потеряв опору на левом фланге и из-за опасности быть прижатой к Днестру, также была вынуждена начать отход.

Отступая, польские войска осуществляли грабежи и различного рода насилия над местным населением, применяли систему заложничества, договоренность об отказе от которой была достигнута в Микашевичах. Но, по мнению поляков, эта договоренность якобы не распространялась на территорию Украины. Согласно справке начальника Информационно-исторической части Генерального Штаба РККА Рыльского только с 1 по 10 июля были отмечены случаи систематических грабежей, в которых принимали участие солдаты из 13-го, 23-го, 29-го, 30-го, 31-го, 33-го и 159-го полков поляков. Зафиксированы случаи изнасилования женщин, расстрела крестьян, поджогов деревень, принуждения местных крестьян к отравлению колодезцев, а также расстрел трех красноармейцев и совершенных над ними издевательства. Материалы справки свидетельствуют о таком факте, когда не выдержавший насилия 65-летний старик в деревне Прудие убил польского солдата, на что поляки ответили массовым террором и на глазах родителей расстреляли молодых коммунистов и советских работников: Юрченко, Велишенко и Косоченко. Насилия и издевательства над мирными жителями были отмечены за этот период и на других участках польско-советского фронта, в частности — в зоне действия 35-го и 64-го полков 9-й польской дивизии.

Такие действия польских войск вынуждали к ответным акциям со стороны советских войск. При отступлении командование Красной Армии также увозило в тыл польских заложников, частично их освобождая, стремясь тем самым не допустить расправы над оставшимися на оккупированных польскими войсками территориях представителями советской власти, угрожая ответными мерами в отношении увезенных поляков. Однако избежать погромов и

жестокое обращения с населением удавалось лишь в отдельных случаях. Занимая территории, польские власти продолжали арестовывать, сажать в тюрьмы и расстреливать представителей местной власти, большевиков и им сочувствующих. Особую жестокость в этом проявляли снабженные и вооруженные поляками отряды Булак-Балаховича и других командиров белого движения.

К июлю 1920 г. советское командование, подтянув резервы и пополнив численный состав частей Красной Армии, подготовило ширококомасштабное наступление под командованием М. Тухачевского, которое началось 4 июля на Западном фронте. Прорвав оборону противника, части Красной Армии стремительно продвигались на запад, не останавливаясь на этнической границе Польши. В рапорте от 7 июля 1920 г. командующего Западным фронтом М. Н. Тухачевского Главнокомандующему РККА С. С. Каменеву сообщалось о разгроме польских войск в результате контрнаступления. «В настоящее время, — констатировалось в нем, — главные массы разгромленного противника в полном беспорядке, оставляя нам пленных и прочие трофеи, хлынули в направлении Полтавы, Свенцяны». 11 июля был освобожден Минск, в городе восстановлена советская власть. И хотя польские войска оставили Бобруйск, Минск, Вильнюс и 1 августа Брест, тем не менее, несмотря на поражения и свыше 10 тыс. попавших в плен, польские части в значительной степени сохранили свою боеспособность и личный состав.

4. «Пленный польский солдат уже не враг»

В зените советского наступления Председатель ВЧК РСФСР Ф. Дзержинский 26 июля отдал распоряжение своим подчиненным обращать внимание на содержание пленных, в том числе и поляков, которых к тому времени уже насчитывалось более двух десятков тысяч. В распоряжении указывалось на недопущение незаконных действий, озлобляющих пленных. В частности, предписывалось не допускать изъятия личных вещей, в том числе одежды и обмундирования. За исполнением этого распоряжения надлежало послать по лагерям, где содержались польские военнопленные, группу контролеров.

Отношение к польскому военнопленному регламентировалось также постановлениями высших органов власти и приказами командования Красной Армии. Приказом РВС от 15 августа 1918 г. № 60 и приказами по войскам Западного фронта от 1 мая 1919 г. № 92 и от 15 июля 1919 г. № 1139 бойцам РККА предписывалось «гуманное обращение к пленным», за нарушение которого устанавливалось наказание «... в соответствии с законами военного времени». В приказе командующего Западным фронтом от 17 июня 1920 г. также говорилось, что «пленные должны отправляться в тыл в той же одежде, в какой застало их пленение. Красноармейцы, — говорилось в приказе, — должны твердо усвоить, что пленный польский солдат уже не враг».

15 сентября 1920 г. Совет Труда и Оборона РСФСР принял специальное постановление о военнопленных польской армии на территории России. По данному постановлению все попавшие в плен военнослужащие польской армии передавались в ведение Главного Управления общественных работ и повинностей НКВД, которое должно было их размещать в специально отводимых для этой цели помещениях. Народный Комиссариат продовольствия обязывался отпускать продовольствие для польских военнопленных согласно существующим нормам красноармейского пайка, а Центральному Управлению снабжения Красной Армии предписывалось «снабжать их вещевым довольствием применительно к красноармейским частям». «Справедливость требует заметить, — вспоминает автор работы «От Двины до Вислы» Е. Н. Сергеев, — что принятые в этом направлении меры дали благие результаты и, наряду с единичными нежелательными случаями, нам приходилось наблюдать, как в Вильнюсе босоногие конвоиры вели толпы пленных в новеньком обмундировании и щегольских французских ботинках».

Подобную картину отмечал в докладной записке о работе Временного Революционного Комитета Польши Ю. Мархлевский в конце июля 1920 г. **Характеризуя деятельность Красной Армии в период наступления на территории Польши, он подчеркивает, что она «вела себя безукоризненно, не грабила, не бесчинствовала, не причиняла лишнего притеснений».** В отношении к пленным Мархлевский приводит случай, когда «...шел транспорт пленных, прекрасно одетых и обутых, их сопровождал маленький конвой бо-

ских и оборванных красноармейцев”. “Эти герои, — подчеркивал он, — отказались, значит, от того, чтобы взять у своих пленных сапоги”.

5. “Не делать ничего, что предопределило бы мир”

В период успешного наступления частей Западного фронта министр иностранных дел Польши Е. Сапега от имени польского правительства с целью “прекратить кровопролитие и восстановить мир” предлагал “немедленное перемирие и открытие мирных переговоров”. Этого же числа начальник Генерального штаба польской армии ген. Т. Розвадовский предложил командованию Красной Армии прекратить военные действия и прислать военных представителей для установления перемирия. Ответ на это предложение должен был поступить до 3 часов дня 25 июля.

23 июля Г. В. Чичерин известил Е. Сапегу о согласии немедленно начать мирные переговоры. В этот же день Главком РККА уведомил главное командование польской армии о получении распоряжения Советского правительства начать переговоры о перемирии и мире. На следующий день командующий войсками Западного фронта М. Н. Тухачевский в радиограмме командованию польской армии назначил 30 июля переход советских представителей через линию фронта для ведения переговоров. То есть практически все было готово для начала переговоров. Однако польская сторона, видимо, не намерена была вести дело к миру. На секретном заседании Совета Министров Польши 29 июля были определены цели правительства, которые состояли в том, чтобы добиться “непродолжительного перемирия” и получить от союзников необходимое вооружение. **Польское правительство приняло к сведению рекомендации союзных государств, “чтобы при переговорах о перемирии не делать ничего такого, что предопределяло бы мир”.** Правительство Польши, учитывая эти рекомендации, пришло к выводу, что “можно было бы заключить мир без вмешательства союзных держав”, при условии, если “большевики предложили бы выгодные условия”. В конечном итоге Совет Министров постановил, что “в случае, если большевики проявят стремление сразу же заключить мир, делегация должна уехать, чтобы поставить об этом в известность правительство”. Таким образом и поступила польская делегация, покинув Барановичи 2 августа 1920 г. Однако уже 5 августа Е. Сапега сообщил о готовности послать в Минск представителей для ведения мирных переговоров, возложив при этом ответственность за дальнейшее продолжение военных действий на советскую сторону.

Одновременно польское правительство опубликовало в стране обращение “Родина в опасности”, в котором утверждало, что Советское правительство отвергло перемирие... В Польше был объявлен призыв добровольцев, и к середине августа их уже насчитывалось свыше 70 тыс. К этому времени польское командование, перегруппировав силы и получив подкрепление, 16–17 августа перешло в контрнаступление. Новое правительство, сформированное крестьянским лидером В. Витосом, нашло поддержку у народа и умело сочетая дипломатические шаги с военными успехами, нанесло ряд поражений Первой Конной армии в Галиции, тем самым лишив поддержки части Западного фронта на подступах к Варшаве. К 23–24 августа польские войска вышли к Восточной Пруссии и развили наступление в восточном направлении.

Что касается варшавского похода частей Красной Армии, то уже к 10 августа все отчетливее стали прослеживаться крупные просчеты советского командования. К ним, прежде всего, относились несогласованность взаимодействия между фронтами и отдельными армиями, чрезмерное удаление передовых частей от тыла, усталость от длительного перехода, а также враждебное отношение польского населения. Армии Тухачевского, быстро продвигаясь, не успевали создавать на освобождаемых и занимаемых территориях свои устойчивые органы власти, а там, где они создавались, во главе их ставились нежелательные для местного населения лица еврейской национальности. Все это в целом отрицательно сказалось на дальнейших событиях.

6. “Польские легионеры избивали до смерти”

Неудавшийся поход на Варшаву и беспорядочное отступление частей Красной Армии обернулись огромными потерями, в том числе и военноплен-

ными. Поляки брали в плен тысячами и целыми полками. По показаниям, например, бежавшего из плена красноармейца В. В. Балуева, попавшего в плен 18 августа под Новоминском, пленено было около 1000 чел. «Из всего состава, — показывал он на допросе в Ковно, — выбрали коммунистов, комсостав, комиссаров и евреев, причем тут же на глазах всех красноармейцев один комиссар еврей был избит и потом расстрелян». Далее он свидетельствовал, что у всех отбирали обмундирование, а кто сразу не исполнял приказания, тех польские легионеры избивали до смерти. Всех попавших в плен отправили в концентрационный лагерь Тухоль Поморского воеводства, где уже было много раненых, которых не перевязывали неделями, вследствие чего у них в ранах заводились черви. Многие из раненых умирали, каждый день хоронили по 30–35 чел.

Другой красноармеец И. И. Кононов, также бежавший из польского плена, сообщил, что прилитоительно в то же время в августе 498-й и 499-й полки 6-й советской дивизии были окружены и попали в плен. После разоружения у солдат отобрали обмундирование, деньги, личные вещи и документы и даже сняли белье. Взамен дали старую и рваную одежду. Польские легионеры, избивая пленных плетками и прикладами, добивались выдачи коммунистов и командиров. Затем всех отправили в Белосток, в лагерь для военнопленных.

В результате беспорядочного отступления частей Красной Армии большие массы красноармейцев и командиров оказались в польском плену. Кроме того, 40–50 тыс. советских солдат перешли германскую границу, где они были разоружены и интернированы. Эта часть красноармейцев находилась в более благоприятных условиях, нежели те, которые попали в польский плен. Свидетельством тому может служить информация советского Уполномоченного НКВД РСФСР в Берлине В. Л. Коппа. Он передавал в Москву, что получил банковский кредит в 20 млн немецких марок, и запрашивал разрешение на продажу лошадей, что позволило бы на вырученные деньги приобрести питание и одежду для интернированных в Германии красноармейцев.

Оказавшиеся в польском плену красноармейцы и командиры, а также большое число гражданских политических пленных, основную массу которых составляли арестованные представители советской власти на территории Украины, Белоруссии и России, находились в многочисленных концентрационных лагерях. Некоторые из этих лагерей были построены еще австро-венграми, другие сооружены за короткое время и были совершенно не приспособлены для длительного содержания военнопленных и интернированных. Например, лагерь в Домбе под Краковом состоял из бараков с деревянными неплотными стенами, во многих из которых не было деревянных полов. Отопление помещений должно было производиться железными печами. Кроватей и нар почти не было. Только в женских бараках было небольшое количество кроватей. Военнопленные спали на досках, на земле, поскольку соломы и сена почти не было. По свидетельству представителя Американского Союза Христианской Молодежи (Отдел помощи военнопленным в Польше), обследовавшего польские лагеря осенью 1920 г., было зафиксировано отсутствие белья, одежды, обуви, а также отмечался холод в помещениях, неудовлетворительное питание и грязь и подчеркивалось, что все это грозило громадной смертностью для военнопленных. В отчете констатировалось, что часть пленных ходила на работы, но большинство не работало и не имело возможности починить свое белье и одежду. Указывалось также на то, что тех, кто пытался жаловаться, офицеры избивали. На 11 сентября 1920 г. в лагере находилось 5 тыс. пленных. Среди них были и интернированные бредовцы, деникинцы, красноармейцы, польские дезертиры, а также 500 политических и 860 гражданских пленных белорусов, украинцев и русских.

К концу войны общее число пленных красноармейцев и командиров в лагерях Польши насчитывалось свыше 150 тыс. По этому вопросу имеются различные оценки как в польской, так и российской исторической литературе и периодической печати. Так, польский историк Збигнев Карпус оценивает общее количество российско-украинских военнопленных в 110 тыс. чел. Что касается российских историков, то у них существуют различные точки зрения на количество попавших в плен красноармейцев. Опираясь на архивные материалы АВР РФ, РГВА, ЦХИДК и польские архивы, к наиболее реальной оценке в этом вопросе подходит И. В. Михутина, определяя общее число российско-украинских военнопленных в 165 550 человек.

Наряду с военнопленными польское командование пополняло контингент так называемых гражданских пленных. 21 августа командование Северного фронта польской армии издало приказ об аресте и предании суду лиц, сотрудничавших с советскими властями. Всем начальникам гарнизонов предписывалось выявлять “всех жителей, которые во время большевистского нашествия действовали во вред польской армии и государства, поддерживая активную связь с неприятелем, – развешивали агитацию в его пользу, создавая большевистские комитеты и т. д.”. Арестовывались также лица, в отношении которых имелись “основательные подозрения”, но не было достаточно улик. Все они, наряду с арестованными ранее в 1919 г. и первой половине 1920 г., составили огромную массу гражданских пленных.

7. Для них мир был “бесмыслицей”

Учитывая благоприятное развитие военных действий на фронтах, польское правительство согласилось на начало переговоров о перемирии и мире и послало в Минск представительную делегацию в количестве 30 членов во главе с Я. Домбским. Советскую делегацию возглавил член коллегии НКВД РСФСР К. Х. Данишевский. Первые пять заседаний прошли в Минске. Но поскольку военные действия существенно затрудняли связь с правительствами обеих сторон, 2 сентября было принято обоюдное решение о переносе конференции на нейтральную территорию в Ригу. Советскую делегацию возглавил опытный дипломат А. А. Иоффе. Ему был выдан мандат “на ведение переговоров и подписание договора о перемирии и прелиминарных условиях мира с Польшей”.

На переговорах в Минске предметом обсуждения была советская декларация об основных условиях советско-польского мирного договора. Главными из 15 требований, предъявленными советской делегацией в декларации, было ограничение польских вооруженных сил до 50 тыс. чел., граница по так называемой линии Керзона и ряд других различных ограничений. Польская делегация категорически выступила против этих требований, считая их неприемлемыми, заявляя, что “отстаивание этих основ русской делегацией делает дальнейший обмен мнениями бесцельным”. И когда польские войска достигли линии Керзона (примерно совпадает с этнической границей польской нации. – **Прим. ред.**), Совет Обороны государства 27 августа высказался за нарушение этой линии.

На заседании Совета Ю. Пилсудский заявил, что “мир является бесмыслицей”.

Российская делегация в составе 30 чел., в том числе представители Украины, прибыла в Ригу 12 сентября. Польская делегация в количестве 80 членов прибыла в латвийскую столицу 16 сентября. 23 сентября ВЦИК РСФСР опубликовал заявление по вопросу об основах соглашения между РСФСР и Польшей, в котором Советское правительство отказывалось от выставленных ранее условий и выразило готовность немедленно подписать перемирие и прелиминарные условия мира на основе признания границы, проходящей значительно восточнее границы, установленной Верховным Союзным Советом 3 декабря 1919 г. Отказ Польши от данного предложения, говорилось в заявлении, “означал бы, что Польша решилась, вероятно, под давлением империалистов Франции и других стран Антанты на зимнюю кампанию”.

Среди широкого круга вопросов конференции, основными из которых были прекращение военных действий и договор о мире, в повестке дня был также вопрос об обмене военнопленными, заложниками, интернированными и о эвакуации населения, оказавшегося на территории противника. Для их обсуждения и выработки по ним согласованных решений была создана Специальная двусторонняя комиссия, советскую делегацию в которой возглавил сотрудник НКВД РСФСР И. И. Лоренц, польскую – Э. Залеский. В состав советской делегации входили также и представители Украины, поэтому делегация, как и делегация на мирной конференции, в целом именовалась Российско-Украинской. В связи с этим решения по обмену военнопленными, заложниками, гражданскими пленными и интернированными касались как России, так и Украины.

Большое значение при обсуждении в Специальной комиссии вопросов о военнопленных, гражданских пленных и заложников имели материалы, представленные уполномоченным РОКК в Польше С. Семполовской. Опираясь на

эти данные, глава советской делегации в Риге Иоффе телеграфировал в Москву 5 декабря 1920 г. о том, что положение пленных, интернированных, политических заключенных и беженцев в Польше крайне тяжело. Трудно провести грань в положении различных групп. Более того, согласно официальным инструкциям польских властей все военнопленные в лагерях были разделены на 4 категории. Первая категория – “русские” – это та часть пленных, которая поддавалась белогвардейской агитации и являлась переходной ступенью на пути в их формирования. Пленные этой категории жили в относительно сносных условиях. На их территории в бараках имелись кровати. Вторая категория – “поляки” – это бывшие красноармейцы польской национальности, попавшие в плен. Из этой категории по мере возможности пополнялись польские воинские части действующей армии. Условия их жизни были несколько лучше, чем у военнопленных остальных двух категорий. Третья категория – “большевики” – это самая многочисленная часть красноармейцев, попавших в плен во время боевых действий. Жила эта категория в тяжелейших условиях, в постоянном холоде, голоде и несправедливости. И, наконец, четвертая категория – “красноармейцы-коммунисты”. Она находилась в самых жутких условиях, в бараках, окруженных колючей проволокой, без права общения между бараками. Режим был тюремный. Пленные были одеты хуже всех и почти все без обуви. Администрация лагеря объясняла это тем, что коммунисты, мол, не ходят на работу. Некоторые бараки были переполнены настолько, что пленные “не могли лежать, а принуждены были стоять, облокотившись один на другого”.

В таком же режиме, как и пленные коммунисты, находились и пленные красноармейцы-евреи. Их положение усугублялось еще и тем, что в то время в Польше резко поднялась волна антисемитизма.

Не лучшими были условия в тюрьмах, где содержались политические заключенные. По свидетельству советского писателя, сотрудника ЧК в 20-е годы Н. Равича, арестованного поляками в 1919 г. и побывавшего в тюрьмах Минска, Гродно, Повонзках и лагере Домбю, в камерах было так тесно, что только счастливицы спали на нарах. В минской тюрьме в камере повсюду были вши, особенно ощущался холод, поскольку верхняя одежда была отобрана. “Кроме осьмушки хлеба (50 граммов), утром и вечером полагалась горячая вода, в 12 часов та же вода, приправленная мукой и солью”. Пересыльный пункт в Повонзках “был забит русскими военнопленными, большинство из которых были калеки с искусственными руками и ногами”. Германская революция, пишет Н. Равич, освободила их из лагерей, и они стихийно пошли через Польшу к себе на родину. Но в Польше они были задержаны специальными заслонами и загнаны в лагерь, а некоторые на принудительные работы”. Лагерь в Домбю представлял собой целый город, окруженный колючей проволокой, с многочисленными домами, улицами, площадями. Контингент разнообразный, и в зависимости от положения, значения и ряда других условий заключенные жили в бараках или в специальных домах.

8. Трудные переговоры в Риге

В процессе переговоров в Риге 12 октября 1920 г. был подготовлен и подписан Договор о перемирии и о прелиминарных условиях мира между РСФСР и УССР, с одной стороны, и Польшей – с другой. Договор был ратифицирован ВЦИК 23 октября, Всеукраинским ЦИК 21 октября и польским Сеймом 22 октября 1920 г. Обмен ратификационными грамотами состоялся в Либаве 2 ноября 1920 г.

В соответствии со ст. VI Договора стороны обязались “включить в Мирный договор положения, касающиеся обмена военнопленными и возмещения действительных расходов по их содержанию”. Статья VII предписывала образовывать смешанные комиссии в целях безотлагательной выдачи заложников и незамедлительного обмена гражданских пленных, лиц интернированных, а по мере возможности и военнопленных и организации возвращения беженцев и эмигрантов. Ст. VIII обязывала стороны “издать соответствующие распоряжения о приостановлении судебных, административных, дисциплинарных и всяких других преследований против гражданских пленных, лиц интернированных, заложников, беженцев, эмигрантов и военнопленных”.

В соответствии со статьями Договора военный министр Польской Республики генерал К. Соснковский издал 28 октября 1920 г. особый приказ, дове-

денный до руководства лагерей, а также “отделов и учреждений, в которых находятся лица, указанные в ст. VII Договора”. В приказе предписывалось до 15 ноября представить во II отдел Генерального штаба польской армии списки гражданских пленных, лиц интернированных, беженцев, эмигрантов, граждан Советской России и Украины. Наряду с этим следовало немедленно отправить “в лагерь № 10 в Калите тех лиц, кои на основании ст. VII и VIII подлежат немедленной выдаче властям их государств”. Этот лагерь предназначался для сосредоточения партий указанных категорий пленных, в том числе пленных и интернированных в период Первой мировой войны. В дальнейшем, согласно приказу, военнопленные после санитарной обработки и возврата личных вещей и после урегулирования всех вопросов, связанных с обменом, должны были отправляться на родину. Документ, которым следовало руководствоваться при обмене пленными, в свою очередь, должна была выработать образованная согласно ст. VII соглашения Смешанная комиссия. Этой же комиссии предоставлялось право защиты интересов и оказания помощи всем категориям пленных.

Вопрос о создании двусторонних смешанных комиссий, одна из которых должна была работать в Польше, а другая в России, решался в Риге на образованной в начале ноября Специальной комиссии по возвращению заложников, пленных, интернированных, беженцев и эмигрантов. В состав советской делегации в данной комиссии входили кроме ее председателя И. И. Лоренца представители НКВД, РОКК и Цетропленбежа.

С первых же заседаний в комиссии возникли расхождения во взглядах на проблему обмена военнопленными и другими категориями лиц, оказавшихся по разные стороны линии фронта. Различные точки зрения обнаружались по двум основным вопросам, а именно по очередности обмена и по составу смешанных комиссий и их полномочий. Польская сторона предлагала приступить к немедленному обмену хотя бы части лиц из общей массы пленных. Э. Залесский на одном из заседаний заявил, что “. . . для Польши важно быстро произвести обмен 30–40 чел., которые во имя гуманности должны были быть выданы немедленно”. Лоренц возражал, мотивируя тем, что “соображения гуманности должны были бы заставить польскую сторону подумать в первую очередь о массе, подлежащей обмену”. Заседания комиссии не оставляли сомнения в том, подчеркивал И. И. Лоренц, что поляки, опираясь на Берлинское соглашение, стремились добиться от советской стороны “своих нескольких важных интернированных, чтобы потом опять развязать руки и не быть заинтересованными в дальнейшем соглашении, по которому к ним могли бы возвращаться массы беженцев”.

Против немедленного обмена не возражала и советско-украинская делегация в Комиссии, но, как указывал Г. В. Чичерин в своей депеше в Ригу, следовало учесть, “чтобы обмен польских белогвардейцев произошел значительно позже, под самый конец”. Кроме того, необходимо было, чтобы Польша предоставила транзит для перевозки пленных и интернированных из Германии. Далее Чичерин рекомендовал советской делегации “отнестись чрезвычайно осторожно к громадной беженской массе, соблюдая строгую плановость и не давая возможности полякам выбирать из нее лишь полезные им элементы, фактически оставляя других надолго в России”.

Это была дальновидная рекомендация, поскольку в дальнейшем так и происходило на практике при составлении списков и их визировании польской делегацией в Смешанной комиссии в Москве и при непосредственном обмене.

9. Участь пленных в Польше и в России

Между тем, каждый день пребывания российских военнопленных в польских лагерях уносил все новые и новые жизни. И указывая, в каких ужасных условиях находились в то время в них военнопленные красноармейцы, председатель Российско-украинской мирной делегации 9 января 1921 г. направил пространное письмо председателю польской делегации. В нем были приведены примеры нечеловеческого отношения к российским военнопленным в различных лагерях и тюрьмах Польши. Обращалось внимание на то, что “несмотря на неоднократные обещания предпринять меры к улучшению условий содержания российско-украинских пленных, в положении их никаких существ-

венных перемен не произошло”. В лагерных лазаретах и больницах по-прежнему не было матрацев, одеял, а часто и кроватей, не хватало врачей и другого медицинского персонала, а имевшихся специалистов и медсестер из военнопленных ставили в такие условия, которые не давали им возможности исполнять свои профессиональные обязанности.

Нечеловеческие условия содержания пленных имели самые жуткие последствия и приводили к быстрому их вымиранию. В лагере Домбе зафиксированы случаи избития пленных офицерами польской армии. В Злочеве пленных били плетьюми, изготовленными из железной проволоки от электропроводов. В лагере Тухоли избит комиссар 12-го полка Кузьмин. В Бобруйской тюрьме военнопленному перебили руки только за то, что он не выполнил приказа выгрести нечистоты голыми руками. Инструктор Мышкина, взятая в плен под Варшавой, была изнасилована двумя офицерами и без одежды брошена в тюрьму на Дзелитной улице в Варшаве. Артистка полевого театра Красной Армии Топольницкая, также взятая в плен под Варшавой, была избита на допросе резиновым жгутом, подвешивалась за ноги к потолку, а затем отправлена в лагерь в Домбе.

Эти и подобные им случаи издевательств над российскими военнопленными стали известны польской прессе и вызвали определенные голоса протеста.

Правительство России и Украины, указывалось далее в письме руководителя российской делегации Иоффе, “категорически настаивают на немедленном изменении условий содержания российско-украинских военнопленных, в частности на немедленном отстранении от занимаемых должностей тех лиц администрации лагерей, которые виновны в вышеуказанных злодеяниях. Не допуская мысли о возможности подобных условий существования для польских военнопленных в России и Украине, — подчеркивалось далее в письме, — даже на основе взаимности Российское и Украинское правительства все же, в случае непринятия польским правительством мер, вынуждены будут применить репрессии к польским военнопленным в России и на Украине”.

Если в Польше российско-украинских военнопленных было более 150 тыс., то польских военнопленных в России насчитывалось почти в пять раз меньше. По сведениям, имеющимся у Польской секции при Политуправлении Реввоенсовета Республики (РВСР), которая проводила большую работу среди польских военнопленных, все они были размещены в 33 лагерях России и Украины. На 11 сентября 1920 г. по данным, полученным Польсекцией из 25 лагерей, в них содержалось 13 тыс. чел. Однако, по мнению руководства Секции, эти сведения были далеко не полными, и оно считало, что общее число польских военнопленных и интернированных на тот момент достигало 30 тыс. человек

Согласно сводке Организационного Управления РККА о потерях и трофеях за 1920 год, количество пленных поляков по Западному фронту по состоянию на 14 ноября 1920 г. составило 177 офицеров и 11 840 солдат, то есть всего 12 017 чел. К этому количеству следует добавить попавших в плен поляков на Юго-Западном фронте, где только во время прорыва Первой Конной армии в начале июля под Ровно было взято в плен свыше тысячи поляков, а по данным оперативной сводки фронта от 27 июля, только в районе Дубно-Бродского было захвачено 2 тысячи пленных. Кроме того, если сюда приплюсовать интернированные части полковника В. Чумы, воевавшие на стороне армии Колчака в Сибири (свыше 10 тыс.), то общее количество польских военнопленных и интернированных в 30 тыс. — вполне реальная цифра.

Положение польских военнопленных в России было гораздо сноснее, нежели российско-украинских в Польше. Гуманное к ним отношение, как отмечалось выше, в значительной степени регламентировалось постановлениями и распоряжениями государственных органов и приказами командования Красной Армии. В Главном Управлении общественных работ и повинностей НКВД на 1 декабря 1920 г. имелся план распределения работ на 62 тыс. пленных. В это число входили не только польские пленные, но и пленные гражданской войны, а также 1 200 балаховичевцев, которые находились в Смоленском лагере. Согласно справке Главного Военно-хозяйственного управления НКВД (Главвоенхозупра) от 8 декабря 1920 г. в распоряжение Мурманского подотдела Главвоенхозупра были отправлены шинели, мундиры старого образца, шаровары, валенки, шапки и другое имущество на 2 тыс. пленных поляков. 10 декабря Ярославскому подотделу было отправлено такое же имущество на

1500 чел.; Иваново-Вознесенскому – на 500 чел.; 11 декабря в Москву было распределено подобное обмундирование на 1 266 чел.; в Харьков в адрес Принудительных работ Украины – на 2 000 чел. Кроме того, губернские военкоматы только в Нижнем Новгороде и Мурманске должны были отпустить вещевого довольствия на 6 тыс. военнопленных польской армии.

Лагеря в России, подчиненные образованному в декабре 1918 г. Центропленбежу, как правило, располагались в дореволюционных воинских казармах и были более приспособлены к содержанию такой категории лиц.

Польская секция при ПУРе, начиная с 23 августа 1920 г., проводила среди военнопленных поляков просветительскую работу. Издавался двухнедельный журнал “Голос пленного”, в лагерях проводились собеседования, чтение книг, образованы школы, в которых для неграмотных проводились обязательные занятия, работали библиотеки, читальни. Из военнопленных выбирались комиссии, которые занимались вопросами улучшения быта. В 16 лагерях имелись специальные инструкторы, а также 3 объездных инструктора-контролера. Их количество увеличивалось по мере мобилизации для этой работы гражданских лиц польской национальности. Согласно сводке Польсекции при ПУРе с 24 по 31 августа в лагеря, где содержались польские военнопленные (Вятку, Красноярск, Ярославль, Иваново-Вознесенск, Орел, Звенигород, Кожухов, Костром, Нижний Новгород), были направлены 10 представителей Секции с соответствующей литературой.

Периодические проверки советскими официальными лицами совместно с представителями Польсекции лагерей, где находились польские военнопленные, давали положительные результаты в плане улучшения условий их содержания. Так, при осмотре лагерей в г. Мценске было зафиксировано, что стены с тройной засыпкой, в каждом бараке имелось 6 печей голландского типа, на 15 баракон имелся барак-кухня с 6 котлами и печами, способными обслужить не менее 15 тыс. чел. А вот в деревне Сергеево Орловской губернии лагерь был мало приспособлен к приему военнопленных: двойные нары, столовой не было, только остро нуждающиеся получали белье, один рукомыльник, туалеты переполнены, кругом грязь. Пища малопитательна, пленные ели из бачков. Правда, на 15 декабря в этом лагере находилось всего 60 заключенных и 20 военнопленных. Все это фиксировалось, и принимались действия к исправлению ситуации.

В целом условия содержания польских пленнх в России были намного лучше, чем условия, в которых находились российские и украинские пленные в Польше. Определенная заслуга в этом принадлежала Польской секции при ПУРе РККА, работа которой расширялась и предполагалось открыть ее отделение при Политуправлении Западного фронта.

2 февраля 1921 г. Малый Совнарком РСФСР принял Постановление о военнопленных польской армии, по которому при НКВД учреждалась должность уполномоченного по данному вопросу. По этому постановлению Главному Управлению общественных работ и повинностей НКВД предписывалось в двухнедельный срок разработать план размещения всех военнопленных польской армии на оставшийся срок в отдельных лагерях и других местах по возможности ближе к крупным центрам, сосредотачивая их большими группами. Следовало составить план маршрутов и расчет необходимого числа вагонов для осуществления их передвижения, а также выявить для этого точное число пленнх. Предписывалось также немедленно вернуть всех польских военнопленных с работ на Мурманской железной дороге. Наряду с этим Центральному управлению по снабжению Красной Армии надлежало снабдить пленнх поляков вещевым довольствием в количестве 4 тыс. комплектов.

24 февраля 1921 г. Соглашение о репатриации между РСФСР и УССР, с одной стороны, и Польшей – с другой было подписано. Оно было заключено во исполнение статьи VII Договора о прелиминарных условиях мира от 12 октября 1920 г., вступало в силу с момента подписания и не подлежало ратификации. Соглашение состояло из 38 статей, разбитых на 4 раздела. Согласно статье 1-й обе договаривающиеся стороны обязались немедленно “приступить к возможно скорейшей репатриации всех находящихся в пределах их территорий заложников, гражданских пленнх, интернированных, военнопленных, беженцев и эмигрантов”. Ст. 2-я разъясняла понятие “гражданский пленный”, “интернированный”, “военнопленный”, “беженец” и “эмигрант”. Гражданскими пленными и интернированными считались все находившиеся на территории одной

из договаривающихся сторон граждане другой стороны, содержащиеся или содержавшиеся в заключении, под арестом или под административным надзором. В эту категорию входили также граждане, подвергавшиеся или подвергавшиеся судебным или административным репрессиям за политические или государственные преступления или преступления в пользу другой стороны. Под военнопленными понимались военнослужащие (комбатанты) договаривающихся сторон, “взятые в плен армиями другой стороны на российско-украинско-польском фронте, равно как и некомбатанты, входившие в состав действующих вооруженных сил и захваченные в плен армиями другой стороны, а также лица, входившие в состав польских отдельных войсковых частей и отрядов, взятые в плен российско-украинскими армиями и на других фронтах, и разоруженные, и интернированные российскими и украинскими властями”.

10. Обмен пленными

Обмен начался с составления списков подлежащих обмену 20 поляков и 40 российских военнопленных. 4 декабря 1920 г. они были доставлены на станцию Столбцы. Обмен произошел 10 декабря: 18 фактически прибывших польских военнопленных на 36 красноармейцев. Представитель Белкомэвака С. Каган составил протокол о действительном состоянии российских военнопленных. “Красноармейцы, — отмечалось в протоколе, — прибыли чрезвычайно изнуренные и истощенные, в лохмотьях. Один даже без всякой обуви. Жаловались на дурное питание и обращение. Вагон был совершенно не приспособлен к перевозке и даже не был очищен от свежего конского навоза, который лежал слоем в четверть аршина”. Всем прибывшим красноармейцам на месте были розданы табак, спички, хлеб, сахар, теплое обмундирование. В Минске они были осмотрены врачами, и 30 из них отправлены в медицинский изолятор Белкомэвака, а остальные в общежитие.

На официальный протест со стороны Председателя Российско-Украинской делегации И. Иорданского по поводу безобразного отношения к российским военнопленным шеф польской делегации обещал, что “виновные будут преданы военно-полевому суду”.

В ноябре-декабре 1920 г. в ряде воинских частей Красной Армии были собраны пожертвования деньгами, вещами и продуктами для российских военнопленных. В Польше также были подготовлены 2 вагона подарков, которые 7 января отправились в Москву в распоряжение Е. П. Пешковой. Российские же два вагона были отправлены в Польшу 14 января.

22 декабря в львовской газете “Вперед” сообщалось, что 9-го числа в польском лагере Тухоль в один день умерли 45 российских военнопленных. Причиной этому послужило то, что в морозный и ветреный день “полуголых и босых” пленных “водили в баню” с бетонным полом, а затем перевели в грязные землянки без деревянного пола. “В результате, — сообщалось в газете, — непрерывно выносили мертвецов или тяжелобольных”.

На официальные, основанные на материалах газеты, протесты со стороны российских делегаций в Риге на бесчеловечное отношение к военнопленным польские военные власти провели расследование. Его результаты, естественно, опровергли сообщения в газете. “9 декабря 1920 г., — извещала польская делегация, — установлена смерть 10 пленных, умерших от сыпного тифа... Баня была нагрета... и здоровые пленные после купания размещались в бараках, предварительно продезинфицированных, больные же помещались прямо в госпиталь”. Газета “Вперед” по результатам расследования была закрыта на неопределенный срок, разумеется, “...за помещение преувеличенных и тенденциозных сведений”.

Польские власти, чтобы отвлечь внимание от нечеловеческих условий содержания российско-украинских военнопленных, пытались предъявить претензии к советским властям в отношении условий содержания польских пленных в России и на Украине. В частности, с польской стороны было выражено недовольство условиями содержания 3 тыс. военнопленных в Харькове, которые якобы живут в вагонах без довольствия, вследствие чего, мол, ежедневно от голода и холода умирает несколько человек. На это заявление 20 февраля 1921 г. поступил ответ НКВД Украины, в котором решительно опровергались доводы польской стороны. В опубликованном заявлении сообщалось, что все польские пленные уже давно были сведены в особые трудовые части, из ко-

торых образованы одна бригада, три полка и отдельный батальон. В Харькове расквартирован по казармам 3-й полк и отдельный батальон, всего около 1,5 тыс. чел. Помещения чистые, хорошо отапливаются. Люди спят на топчанах или нарах. На работу на фабрики, железную дорогу и другие места ходят только исключительно здоровые и имеющие теплую одежду. Каждая рота имеет свой командный состав из самих пленников. За январь месяц, сообщалось далее в заявлении, в среднем в лечебные учреждения обращалось 14 чел. в день, в амбулаторию 46 чел. Смертность составила всего один человек в отдельном батальоне. Сообщалось также, что ожидается получение дополнительных комплектов теплой одежды. Ответственность за польских военнопленных, говорилось в заявлении, возложена на командование войсками Украины, Штаб трудовой армии, Укрзвак и НКВД Украины. Всем военным властям и гражданским учреждениям предписано отправлять пленников поляков в трудовые бригады впредь до эвакуации на родину.

Процесс обмена пленными происходил довольно интенсивно. Начало отправки российских военнопленных из Польши приходится на март 1921 г., когда первый эшелон прибыл на станцию Негорелое 16 марта в 22 часа, хотя по соглашению о репатриации станциями обмена были Столбцы и Койданово. Сообщение об отправке было выслано 6 марта шефом Польдеlegationи ПРУВСК Гемпелем с информацией, что со ст. Барановичи 7 марта в Россию отправляются 2 поезда военнопленных по 1 000 чел. в каждом – один на Столбцы, другой на Ровно. Фактически на ст. Негорелое прибыл эшелон с 1 500 военнопленными и 3 гражданскими пленными. По его прибытии 27 чел. больных были переданы в санчасть. До 3-х часов все были накормлены в поезде питания, ночевали в вагонах. Польский питательный пункт (как положено было по Соглашению) еще не был готов к приему пленников. В 15 часов следующего дня эшелон был отправлен в сторону Смоленска.

В это же время из России прибыл эшелон с польскими военнопленными в количестве 400 чел., который 19 марта в Орше пополнился и в 5 часов отбыл в Польшу уже в количестве 620 чел.

Второй эшелон с российскими и украинскими военнопленными из Польши отбыл из Барановичей на станцию Негорелое в 9 часов 21 марта в количестве 600 чел. Соответственно эшелон с польскими пленными был отправлен из Москвы 16 марта с 360 пленными и 27 заложниками на станцию Койданово. 26 марта шеф Польдеlegationи ПРУВСК проинформировал российскую делегацию о том, что отправлен новый транспорт из 500 пленников и 21 интернированных женщины с детьми. 30 марта прибыл четвертый эшелон с российскими военнопленными и с ними 13 интернированных, но общее количество не сообщалось, говорилось лишь о том, что из прибывших было 5 “партоварищей”, выделенных в отдельный список.

В целом начавшийся поток военнопленных с обеих сторон был довольно интенсивным, и советская сторона в начале апреля даже вынуждена была его приостановить на несколько дней. Но уже 4 апреля Комиссар Административного управления Западного фронта Носырев дал команду возобновить прием пленников, подготовив в Могилеве 500 мест и в Смоленске – 1 000 мест. 8 апреля в Негорелое прибыл очередной эшелон с 500 пленными, а 11 апреля на Украину в Здолбуново был отправлен транспорт из Польши с 665 пленными.

Следует подчеркнуть, что процесс обмена военнопленными происходил относительно планомерно, что нельзя сказать об обмене заложниками и гражданскими пленными. Составление списков, их согласование и в особенности их соблюдение вносили постоянную путаницу. Так, отправив второй эшелон с польскими военнопленными и 27 заложниками, советская сторона не получила соответствующего эквивалента с польской стороны, как было предусмотрено в отношении заложников и гражданских пленников по Соглашению о репатриации. В связи с этим зав. отделом Запада НКВД Якубович отдал распоряжение И. Иорданскому задержать отправку эшелона в Польшу. Но к тому времени поезд уже пересек российско-польскую границу.

Следует подчеркнуть, что Польша в процессе обмена делала упор в основном на отправку из России гражданских пленников и заложников и включала в списки наиболее состоятельных польских граждан. Что касается военнопленных, то польские власти торопили советские органы с отправкой польских офицеров из Тульского лагеря и интернированных из Сибири польских частей полковника Чумы.

23 июля Москва выразила протест Польше о нарушении польской стороной прав российских военнопленных в Польше, приводя 52 конкретных случая по этому поводу. В связи с этим была приостановлена отправка в Польшу контингента Тульского лагеря.

В свою очередь, польское правительство в депеше от 27 августа также обвиняло российскую сторону в том, что репатриация добросовестно не проводится в жизнь. “Советские власти, — говорилось в ней, — только для видимости держатся лояльно в отношении договора репатриации”. Польское правительство обвиняло советские власти в преднамеренном создании категории скрытых заложников, списки которых не доводились до сведения польских властей.

Полностью требования Польского правительства были сформулированы 18 сентября 1921 г. в специальной ноте поверенного в делах Польши в Москве Т. Филиповича. В ноте из 8 пунктов содержались в первую очередь требования “высылки в Польшу всех польских заложников, интернированных и гражданских пленных, бывших и настоящих”. Вторым требованием был “возврат всех военнопленных, находящихся на территории Европейской России”. Затем “отправка эшелонов с польскими военнопленными из Сибири”, а также освобождение лиц польской национальности от службы в Красной Армии, не исключая комсостава, санитарных и технических частей. Далее требования касались прекращения антипольской агитации и пропаганды среди репатрируемых.

Избрав тактику давления на РСФСР в вопросе репатриации, польское правительство как бы отвлекало внимание международной общественности от той ситуации, которая фактически сложилась с обменом к тому времени.

Советское правительство, со своей стороны, “убеждало” польскую сторону цифрами и фактами. Председатель Центроэвака РСФСР Пилявский еще в мае писал в Варшаву Е. Н. Игнатову для сведения Польской делегации в Смешанной комиссии, что за время до 15 мая из России отправлено 7 631, а из Украины 2 769 военнопленных поляков и 2 эшелона беженцев. Принят план репатриации на июнь до 28 000 чел. в месяц вместо 16 000, в том числе 6 тыс. военнопленных. Вместе с беженцами это составит более 30 тыс. чел. “Из чего вытекает необходимость, — указывал Пилявский, — увеличить до этой цифры число отправляемых из Польши красноармейцев” и открыть дополнительный обменный пункт. Кроме того, он просил сообщить точное количество имеющихся в Польше российских военнопленных.

16 июля 1921 г. Игнатов сообщил Пилявскому, что пока дать общее число военнопленных затруднительно, поскольку, мол, большинство членов Польдеlegationи в отпуске, и указал, что “комиссия условилась разгрузить в первую очередь лагерь в Стржалково, ввиду тяжелых там условий”. Всего в лагере к тому времени находились до 7 тысяч советских пленных, из которых свыше 200 чел. коммунисты и около 100 чел. комсостава. При этом Игнатов подчеркнул, что разгрузка лагеря поляки ставят в тесную связь с отправкой Тульского эшелона с офицерами.

Неделей раньше Е. Н. Игнатов уже информировал Наркома Г. В. Чичерина о трудностях в работе Смешанной комиссии, которые возникали часто из-за неуступчивости Председателя Польдеlegationи Ст. Корсака. Однако участие в работе заместителя председателя Польдеlegationи в Смешанной комиссии в Москве А. Зелезиньского, который хорошо знал ситуацию в России, привело к тому, что, как писал Игнатов, “сгущенная атмосфера стала рассеиваться” и польская сторона приняла некоторые меры к урегулированию наиболее сложных вопросов в жизни военнопленных. Объезд лагерей показал, что положение наших пленных было по-прежнему тяжелым. В июне всего отправлено 6 885 красноармейцев и 4 261 — остальных категорий, а по плану следовало отправить 10 тыс. С 28 мая по 15 июня не было отправлено ни одного эшелона из Польши, а по спискам обмен вообще не производился. Задержка с отправкой пленных из Польши была вызвана тем, что польская сторона специально задержала отправку.

“В общем, — отмечал глава РУД Е. Н. Игнатов в интервью польской газете “Варшавский голос” 2 июля, — в настоящее время можно считать, что Россия выслала не менее 80 тыс., получив до 40 тыс. человек”.

Нарком иностранных дел РСФСР Г. В. Чичерин в ответной ноте поверенному в делах Польши Т. Филиповичу 22 сентября изложил советскую точку зрения на предъявленные Польшей требования. В ней говорилось, что поль-

ское правительство, “нарушая вопиющим образом Рижский Договор и подрывая всякую основу добрососедских отношений, в то же время ответило отказом на предложение Российского Правительства об одновременном выполнении к первому октября обеими сторонами требований, касающихся исполнения Рижского Договора”. Подчеркивалось, что польское правительство до сих пор не выполнило своего обязательства, вытекающего из Дополнительного протокола к Соглашению о репатриации от 24 февраля с. г. и до сих пор не вернуло Российскому правительству лиц согласно поименному списку в количестве 300 чел., вследствие чего произошла задержка отправки польских интернированных из России. В ноте констатировалось также, что Польское правительство задерживает прием беженцев из России из-за нежелания усилить пропускную способность приемных пунктов на границе.

Одновременно с этим Российское правительство выдвинуло ряд требований к Польскому правительству в отношении высылки из пределов Польши лиц, “причастных к организации бандитских и контрреволюционных нападений на Россию”, ареста и предания суду участников разбойничьих налетов на русскую территорию, перевода лагерей интернированных контрреволюционных армий подальше от российской границы и некоторые другие требования.

Правительство РСФСР, со своей стороны, пошло навстречу требованиям польской стороны и ускорило процесс увольнения из Красной Армии поляков, подлежащих репатриации. Реввоенсовет Республики издал специальный приказ № 2 577 об увольнении из армии польских военнослужащих в бессрочный отпуск. В начале ноября 1921 г. было созвано специальное совещание из представителей Центроэвака, НКВД, НКВД, ВЧК и Мобилизационного управления РККА, которое приняло простейший порядок как в вопросе реэвакуации военнопленных поляков, так и освобождении их из Красной Армии и отправки на родину. Кроме того, Совет Труда и Оборона Республики образовал особую комиссию в составе представителей РСФСР, ВЧК под председательством представителя Центроэвака, которой поручалось разрешать на месте все вопросы по репатриации так называемых “военноотпускных”. Членом комиссии разрешалось “допускать отступления от установленных правил, руководствуясь соответствующими записями в красноармейских документах и данных личного опроса”. Это решение было вызвано тем, что на западных областях России скопилось огромное количество уволенных в бессрочный отпуск бывших военнослужащих поляков.

Добиваясь различными способами отправки из России “желательных” польских репатриантов, Польша вместе с тем затрудняла работу Смешанной комиссии на польской территории по отправке советских военнопленных. Членам РУД ставились препятствия в предоставлении возможности посещать лагеря и тюрьмы, где принимались заявления и жалобы от пленных и заложников. Под различными предлогами польская сторона старалась не допустить членов РУД осуществлять свои функции в этом вопросе. 3 сентября в очередном сообщении в Москву Игнатов отмечал, что “очевидно, поляки хотят по возможности скрыть неприглядную и тяжелую картину жизни красноармейцев. Мои протесты, — отмечал он, — против проволоочки существенного влияния, вероятно, не окажут, т.к. поляки в связи с поднятой нами энергичной кампанией против избиений начнут затруднять доступ наших уполномоченных в лагерь к интернированным”.

Все же в начале сентября 1921 г. Российско-Украинская делегация в Смешанной комиссии добилась очередного посещения лагерей и тюрем. Однако объехать все лагеря уполномоченным не удалось, так как польская сторона к концу посещения все больше и больше “придиралась ко всякому пустяку”. Перед посещением лагеря в Стржалково поляки заявили, что ни в коем случае не допустят, чтобы члены РУД получали письменные заявления и жалобы непосредственно от пленных и интернированных. Такое же требование они выставляли и при посещении лагеря в Домбе, но после полуторадневного препирательства поляки все же уступили, и члены РУД беспрепятственно получили в Домбе все заявления от пленных и интернированных. В лагере же Стржалково требования членов российской делегации в этом вопросе не были удовлетворены.

Требования Российско-Украинской делегации были вполне законными и не противоречили Соглашению о репатриации и постановлениям, принятым

на заседаниях Смешанных комиссий в Варшаве 8 июля и в Москве 7 мая 1921 г., которые давали такие права членам делегаций.

Во время объезда лагерей представители РУД посетили лагеря в Бресте, Ковеле, Львове, Домбе, Щипиорно и Ланцуте. Не были осмотрены лагеря в Стржалково и Тухоли. Это были как раз самые неблагополучные лагеря российских военнопленных, поэтому была вполне понятна позиция польских властей, стремившихся не допустить их осмотра.

Во время неудавшегося осмотра лагеря в Стржалково членам делегации стало известно, что с последним эшеломом поляки, с согласия председателя Польдеlegationи Ст. Корсака, хотя и с большим опозданием, но все же отправили из этого лагеря командный состав и “коммунистический барак” с более чем 200 чел., за исключением 22 пленных, которые были переведены в лагерь в Домбе.

Объезд лагерей имел в целом положительную сторону, а именно позволил ускорить отъезд в Россию военнопленных и интернированных. “В настоящее время, – сообщал Игнатов в очередном письме в Москву, – уже отправлено до 70 тыс. чел. и осталось около 10 тыс., которые в сентябре должны быть отправлены в Россию”. Что касается интернированных, то только в лагере в Домбе их было свыше тысячи. Среди них большое число составляли крестьяне, частью неграмотные, взятые поляками как представители местных комитетов власти или за то, что их сыновья служили в Красной Армии, а частично и вовсе без всяких поводов.

Надежды оставшихся в Польше российских и украинских военнопленных и интернированных на отправку на родину в сентябре не оправдались. Процесс продвигался медленно, с большим трудом. Польская сторона создавала все новые и новые препятствия на пути обмена.

11. Печальные итоги

Чем ближе к завершению шел процесс обмена военнопленными, тем острее и труднее он проходил. Во второй половине декабря в польском лагере Стржалково произошли трагические события. В ночь с 18 на 19 декабря дело дошло до стрельбы по баракам, в результате чего был ранен красноармеец Калита Корней. Дело в том, что заключенным запретили выходить из барakov после 6 часов вечера, а туалетов в бараках не было. Выходящих пленных избивали специально следившие за этим польские солдаты. “До настоящего времени, – говорилось в ноте полномочного представителя РСФСР в Варшаве Л. Карахана правительству Польши 5 января 1922 г., – в лагере происходят ежедневные надругательства над личностью пленных. Избиения военнопленных составляют постоянное явление, и нет возможности регистрировать все эти случаи. РУД в целом ряде отношений приводила длинные списки избитых пленных. Все эти избиения не только остаются безнаказанными, но до настоящего времени не опубликованы, вопреки постановлению Смешанной Репатриационной Комиссии, приказ от 6 августа 1921 г., запрещающий бить пленных, и таким образом тормозится борьба с этим преступным отношением к военнопленным”.

В целом к концу 1921 г. процесс обмена хотя и замедлился, но не останавливался. Общее количество оставшихся военнопленных и интернированных в обеих странах было примерно равным. Польские власти очень следили за отправкой эшелонов из Сибири, а также арестованных поляков, находившихся в основном в тюрьмах Европейской России. Советская сторона тоже стремилась получить оставшихся в концентрационных лагерях военнопленных и освободить многих арестованных политических деятелей. По имеющимся к тому времени в РУД данным, к ноябрю 1921 г. в Польше осталось 1 602 военнопленных. Из этого количества 12 ноября было отправлено 472 чел. и были готовы к отправке 257 чел. из лагеря Тухоля, в том числе 161 чел. комсостава. В лагере Стржалково в то время находилось 649 чел., из которых 386 чел. были военнопленные, 200 интернированные, 49 женщин (16 из них фактически военнопленные – бывшие медсестры, санитарки) и 11 детей, в большинстве с родителями. Кроме того, 224 пленных находились в Ровно. Таким образом, по состоянию на 12 ноября 1921 г. в лагере Стржалково находилось 873 чел. В лагере в Домбе военнопленных не было. Отправку оставшихся пленных из Стржалково и Тухоля поляки связывали только с прибытием си-

бирских эшелонов с интернированными. В течение нескольких дней в Польшу были отправлены три сибирских эшелона с интернированными, за что в качестве компенсации в Россию выехали 472 военнопленных. 22 ноября в Москву из Сибири для следования в Польшу прибыли еще 4 эшелона, в составе которых было более 2 тыс. интернированных поляков.

К 10 января 1922 г. в польском лагере Тухоль еще оставались российские военнопленные. Однако к апрелю 1922 г. уже ни одного военнопленного красноармейца в польских лагерях не было. Смешанная комиссия по репатриации могла бы закончить свою миссию, однако работа продолжалась в основном по персональному обмену, а затем и по репатриации изъявивших желание вернуться на родину солдат бывшей царской армии и амнистированных военнослужащих частей белой армии. 3 ноября 1921 г. Президиум ВЦИК РСФСР принял Постановление об амнистии отдельным категориям военнослужащих, находящихся за границей и желающих вернуться на родину. Постановление касалось полной амнистии участвовавших в военных организациях Колчака, Деникина, Врангеля, Савинкова, Петлюры, Булак-Балаховича, Перемыкина и Юденича «в качестве рядовых солдат, путем обмана или насильственно втянутых в борьбу против Советской власти» и находящихся в Польше, Румынии, Эстонии, Литве и Латвии. Амнистированным предоставлялась возможность вернуться в Россию на общих основаниях с возвращающимися на родину военнопленными. Затем 10 февраля 1922 г. Председатель ВЧК издал приказ о порядке применения амнистии ВЦИК к бывшим белым офицерам, по которому отдельные категории военнослужащих офицеров также подлежали амнистии.

Что касается российских и украинских военнопленных, то из общего их числа более чем 150 тыс. на родину вернулось около 80 тыс. Около 60 тыс. умерли в лагерях и тюрьмах из-за болезней и нечеловеческих условий существования. В ноте Наркома иностранных дел РСФСР Г. В. Чичерина от 9 сентября 1921 г. уже приводилась цифра в 60 тыс. умерших, и в очередной ноте от 24 ноября того же года поверенному в делах Польши в РСФСР подчеркивалось, что «перед подобными цифрами все упреки и претензии польского правительства по данному вопросу отпадают без дальнейших доказательств».

Прошло не одно десятилетие с 1940 г. до признания советской стороной ответственности за гибель польских офицеров в Катыни, а также интеллигенции, государственных, общественных и политических деятелей, и мы вправе ожидать этого же и от польской стороны, тем более что со времени гибели российских военнопленных в польских лагерях прошло гораздо больше времени.